

**КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ
И ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**
CROSS-CULTURAL AND ETHNOPSYCHOLOGICAL RESEARCH

Связь коллективных эмоций вины и стыда с установками к аутгруппам в российском контексте

Л.К. Григорян*,

НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
Бременская международная школа социальных наук,
Бремен, Германия,
grigoryanlusine@yandex.ru

М.В. Ефремова**,

НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
mefremova@hse.ru

В данном исследовании впервые в российском контексте рассматриваются коллективные эмоции вины и стыда. Целью работы является выявление связи данных коллективных эмоций с отношением к представителям аутгрупп у людей с различной степенью выраженности групповой идентичности. На выборке русских ($N = 89$, 53,9% — женщины, медиана по возрасту — 35 лет) был проведен социально-психологический опрос, в котором респонденты отвечали на вопросы о переживании коллективных эмоций вины, морального и имиджевого стыда в связи с депортацией народов Кавказа в период Великой Отечественной войны. Также измерялись установки к аутгруппам, связанным (народы Кавказа) и не связанным (мигранты) с событиями, являющимися источником эмоций, а также общая установка на мультикультурализм и выраженность групповой идентичности. Результаты показали, что переживание вины и морального стыда положительно связано с установками как к народам Кавказа (0,396*** и 0,304*** соответственно), так и к мигрантам (0,330*** и 0,322*** соответственно). Имиджевый стыд положительно связан только с отношением к мигрантам (0,326**). Также было выявлено, что выраженность групповой идентичности модулирует эти связи: в группе с высокой выраженностью групповой идентичности связи между эмоциями и установками нет.

Для цитаты:

Григорян Л.К., Ефремова М.В. Связь коллективных эмоций вины и стыда с установками к аутгруппам в российском контексте // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 2. С. 61–70. doi: 10.17759/chp.2017130207

For citation:

Grigoryan L.K., Yefremova M.V. Group-Based Guilt and Shame and Outgroup Attitudes in Russian Context. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2017. Vol. 13, no. 2, pp. 61–70. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2017130207

* Григорян Лусине Корюновна, магистр психологии, научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ), Москва, Россия; аспирант Бременской международной школы социальных наук (БМШСН), Бремен, Германия. E-mail: grigoryanlusine@yandex.ru

** Ефремова Мария Викторовна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований, НИУ ВШЭ, Москва, Россия. E-mail: mefremova@hse.ru

Grigoryan Lusine Koryunovna, M.Sc. in Psychology, Research Fellow, International Laboratory for Socio-Cultural Research, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russia; PhD Fellow, Bremen International Graduate School of Social Sciences, Bremen, Germany. E-mail: grigoryanlusine@yandex.ru

Efremova Maria Viktorovna, Ph.D. in Psychology, Senior Research Fellow, International Laboratory for Socio-Cultural Research, HSE, Moscow, Russia. E-mail: mefremova@hse.ru

Ключевые слова: коллективные эмоции, вина, моральный стыд, имиджевый стыд, отношение к аутгруппам, Северный Кавказ, отношение к мигрантам, мультикультурализм.

Group-Based Guilt and Shame and Outgroup Attitudes in Russian Context

L.K. Grigoryan,

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;
Bremen International Graduate School of Social Sciences, Bremen, Germany,
lgrigoryan@hse.ru

M.V. Yefremova,

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
mefremova@hse.ru

This research explores group-based emotions of guilt and shame in the Russian context. The aim was to reveal the relations between these emotions and outgroup attitudes in individuals with different degrees of collective identity strength. The survey was carried out on the sample of Russian people (N = 89; 53,9% females; average age 35 years). The respondents were asked to answer questions concerning their experiences of group-based emotions of guilt, moral shame and image shame in relation to the deportation of Chechen and Ingush populations of the Northern Caucasus during the World War II. We measured outgroup attitudes towards groups both related (Caucasus populations) and unrelated (migrants) to emotion-provoking events; general attitude towards multiculturalism; and strength of collective identity. The results show that the experiences of guilt and moral shame are positively correlated both with the attitudes towards Caucasus populations (0,396*** and 0,304*** respectively) and with the attitudes towards migrants (0,330*** and 0,322*** respectively). Image shame is positively correlated only with the attitudes to migrants (0,326**). It was also found that collective identity moderates these relations: there were no correlations found between emotions and attitudes in the group of subjects with stronger collective identity.

Keywords: group-based emotions, guilt, moral shame, image shame, outgroup attitudes, Northern Caucasus, attitudes to migrants, multiculturalism.

Проблема межгрупповых отношений и предубеждений — одна из фундаментальных и самых разработанных проблем в социальной психологии. Чаще всего в качестве детерминант установок к аутгруппам рассматриваются личностные особенности (черты личности, правый авторитаризм, ориентация на социальное доминирование), стереотипы, социальная идентичность, воспринимаемая угроза. Вместе с тем в области изучения межгрупповых установок есть ряд нерешенных вопросов.

Анализ прошлых исследований показал, что часто не учитывается роль контекстуальных факторов в межгрупповых отношениях. В частности, не изучена роль исторического контекста и коллективных эмоций — эмоций, испытываемых членами ингруппы относительно истории своей группы. Основа социальной идентичности заключается в том, что мы определяем себя через группы, к которым принадлежим. Поэтому действия людей, с которыми мы делим групповую идентичность, а также история и коллективные поступки групп, к которым мы принадлежим, могут вызывать сильные эмоции [13].

В ряде исследований эти эмоции связываются с отношением к аутгруппам. Так, немцы, проживаю-

щие в современной Германии, не несут никакой персональной ответственности за Холокост, однако эмоции вины или стыда, которые они могут испытывать в связи с этим фактом своей истории, могут влиять на их отношение как к евреям, так и к другим группам меньшинств в Германии [16]. Изучение коллективных эмоций вины и стыда является относительно новым направлением в психологии и насчитывает пока несколько десятков исследований, рассматривающих роль коллективных эмоций в установках по отношению к аутгруппам [например, 6; 15].

Другой недостаток в изучении межгрупповых отношений, заслуживающий внимания, — это дискретность исследований по отношению к объекту установки. Большинство исследований в этой области предполагают измерение установок к конкретной аутгруппе. Еще Г. Олпорт в работе «Природа предубеждений» (1954) выдвигал гипотезу о том, что существует единый латентный фактор, который определяет отношение человека к разным аутгруппам [2]. При этом не ясно, способны ли различные предикторы установок к аутгруппам влиять на эту общую толерантность. Этот вопрос является крайне актуальным, особенно для стран с высоким уровнем

этнокультурного разнообразия, к которым относится в том числе и Россия.

Важно отметить, что до настоящего времени исследований коллективных эмоций вины и стыда в России не проводилось, хотя в ее истории, как и в истории любой другой страны, присутствуют такие негативные события, как политические репрессии, гонения по национальному, профессиональному, религиозному и другим признакам. Многие формы дискриминации существуют и в наши дни. Данное исследование должно восполнить указанные пробелы и пролить свет на роль осознания исторических реалий и актуализации коллективных эмоций стыда и вины в установках по отношению к аутгруппам. Знания о том, как актуализация тех или иных исторических событий влияет на уровень толерантности, могут быть применены в политике снижения межэтнической напряженности в России.

Целью данного исследования является выявление связи коллективных эмоций вины и стыда с отношением к представителям аутгрупп у русских с различной степенью выраженности групповой идентичности.

Коллективные эмоции вины и стыда

В основе данного исследования лежит подход к рассмотрению коллективных эмоций как специфической формы переживаний, отличных от индивидуальных и базирующихся на осознании своей идентификации с группой [8]. Данный подход объясняет существование коллективных эмоций как последствий самоопределения человеком себя через свою группу. Далее мы подробнее остановимся на тех видах коллективных эмоций, которые будут рассмотрены в данной статье: вина и стыд.

Чувство вины на индивидуальном уровне возникает тогда, когда усвоенные индивидом моральные и нравственные нормы поведения вступают в противоречие с его/ее реальным поведением [11]. Отличие коллективного от индивидуального чувства вины в том, что оно возникает вследствие противоречия моральным нормам не собственных поступков, а поступков других людей, принадлежащих к ингруппе [12].

Чувство стыда на индивидуальном уровне отличается от чувства вины тем, что оно затрагивает позитивность личностной идентичности и скорее связано с Я-концепцией, чем с конкретными поведениями [14; 1]. Таким образом, чувство стыда возникает тогда, когда поведение человека не соответствует его/ее образу себя [9]. Чувство стыда отличается от индивидуального тем, что возникает не вследствие собственных поступков, а вследствие поступков других членов ингруппы и затрагивает позитивность групповой идентичности [12].

Взаимосвязь коллективных эмоций вины и стыда с установками к аутгруппам

Предположение о взаимосвязи коллективных эмоций с отношением к аутгруппам основано на работах Б. Доже, Дж. Аллпресса, Н.Р. Бранскомб, Р. Брауна и др. [8; 7; 4; 16].

Основное отличие во взаимосвязи вины и стыда с отношением к аутгруппам заключается в том, что чувство вины вызывает желание компенсировать последствия негативных действий ингруппы для аутгруппы, а чувство стыда — стремление восстановить положительный образ ингруппы, что может быть достигнуто через дистанцирование с аутгруппой или экстернализацию вины [12]. Несмотря на кажущуюся большую функциональность чувства вины для межгрупповых отношений, исследования показывают, что чувство стыда может быть не менее функциональным. Так, было обнаружено, что стыд может лучше, чем вина, прогнозировать просоциальное поведение [3]. Показано, что при контроле чувства стыда и гнева чувство вины не связано с готовностью компенсировать ущерб аутгруппе [10].

Обнаруженное противоречие относительно роли стыда в межгрупповых отношениях (стыд как предиктор социальной изоляции и стыд как предиктор просоциального поведения) было разрешено исследованием Дж. Аллпресса с коллегами [3]. Исследователи выделили две формы чувства стыда, которые могут иметь различные последствия для межгрупповых отношений: моральный стыд, который возникает тогда, когда поведение ингруппы нарушает значимые для человека моральные ценности, и имиджевый стыд, который возникает тогда, когда личностно значимая ценность, которая нарушается, — это репутация группы. В первом случае чувство стыда будет приводить к просоциальному поведению, во втором — к желанию дистанцироваться от аутгруппы, которая угрожает положительному образу ингруппы. Эти предсказания были подтверждены как в исследовании Дж. Аллпресса, так и в исследовании Й. Рееса с коллегами [16].

Работа Й. Рееса с коллегами — единственная, где рассматривается влияние эмоций вины и стыда на отношение к аутгруппам, не связанным напрямую с историческими событиями, вызывающими данные эмоции. В статье представлены результаты двух исследований: роли коллективных эмоций вины, морального и имиджевого стыда в отношении немцев к турецким мигрантам в Германии и роли тех же коллективных эмоций британцев относительно участия их соотечественников в актах насилия в Ираке в их установках по отношению к пакистанским мигрантам. В обоих случаях обнаружены схожие взаимосвязи: моральный стыд ведет к меньшей, имиджевый стыд — к большей социальной дистанции с аутгруппой, тогда как чувство вины не связано с отношением к аутгруппе [16].

В нашем исследовании мы также рассматриваем коллективные эмоции вины, морального стыда и имиджевого стыда. Однако мы включаем в исследование как аутгруппу, связанную с событием, вызывающим эмоции, так и не связанную с этим событием аутгруппу. В дополнение к этим двум установкам мы также рассматриваем установку на мультикультурализм, чтобы проверить, распространяются ли просоциальные функции коллективных эмоций вины и стыда на более общие установки к аутгруппам.

На первом этапе исследования мы столкнулись с тем, что в российском контексте оказалось сложным выявить такое историческое событие дискриминации аутгрупп, относительно которого люди испытывали бы коллективные чувства вины и стыда. После претеста было принято решение остановиться на случае депортации народов Кавказа во время Великой Отечественной войны. Таким образом, связанной с событием (релевантной) аутгруппой являются народы Кавказа. В качестве не связанной с событием (нерелевантной) аутгруппы были выбраны мигранты, а в качестве наиболее общей установки — установка на мультикультурализм.

Другим сложным решением при планировании исследования был выбор групповой идентичности, к которой опросник будет отсылать. Основная сложность заключалась в том, что описанные события происходили в СССР — больше не существующей стране. Поэтому вставал вопрос об исторической континуальности: выбирая в качестве ингруппы «советских людей» или «граждан СССР», во-первых, мы разделяем ингруппу в прошлом от ингруппы в настоящем, а во-вторых, ставим под вопрос возможность измерения выраженности групповой идентичности у молодого поколения. С другой стороны, используя идентичность «россияне», мы снова нарушаем историческую континуальность, так как в период, когда происходили описываемые события, группы «россияне» не существовало. Таким образом, было принято решение остановиться на группе «русские», так как она позволяла сохранить историческую континуальность (русские образовывали социальную группу как в СССР, так и в России, при этом и в том и в другом случае были доминирующей группой в стране) и не создавала никаких трудностей при измерении выраженности групповой принадлежности. В дальнейшем этот выбор стал предметом большой дискуссии среди участников исследования. Возникшие ограничения исследования, связанные с данным выбором, будут рассмотрены в разделе обсуждения результатов.

На основе описанных выше исследований был сформулирован следующий исследовательский вопрос: какова взаимосвязь коллективных эмоций вины, морального стыда и имиджевого стыда с установками к релевантной аутгруппе (народы Кавказа), нерелевантной аутгруппе (мигранты) и к мультикультурализму в российском контексте?

Роль идентификации с группой во взаимосвязи коллективных эмоций и установок к аутгруппам

В недавних исследованиях стали ставиться вопросы о роли идентификации с ингруппой во взаимосвязи коллективных эмоций с отношением к аутгруппам. Так, было показано, что люди с сильной идентичностью чувствуют большую угрозу своей идентичности от переживания негативных коллективных эмоций, связанных с прошлым ингруппы. Это, в свою очередь, препятствует позитивному отношению к аутгруппам, ассоциирующимся с этими эмоциями [17].

С другой стороны, необходим некий оптимальный уровень идентификации с группой, чтобы чувствовать какие-либо коллективные эмоции, связанные с

этой групповой принадлежностью. Основываясь на этих рассуждениях, мы ожидаем, что уровень выраженности групповой идентичности будет модератором связи между коллективными эмоциями и установками к аутгруппам. При этом модерация будет иметь нелинейную природу: связь между эмоциями и установками будет только в группе со средней выраженностью групповой идентичности, тогда как в группах со слабой и сильной выраженностью групповой идентичности ее не будет. Соответственно, второй исследовательский вопрос, которым мы задались: различаются ли взаимосвязи между коллективными эмоциями вины, морального стыда и имиджевого стыда и установками к различным аутгруппам в группах с низкой, средней и высокой выраженностью групповой идентичности? И имеют ли эти различия линейную либо нелинейную природу?

Метод

Процедура. Исследование проводилось на онлайн-платформе Qualtrics. Ссылка на исследование распространялась через социальную сеть Facebook. Чтобы актуализировать у участников коллективные эмоции, использовалось два вида стимульного материала: в одном случае респонденты читали короткую справку о депортации народов в СССР, включенную в инструкцию к опроснику, в другом случае читали тот же текст и дополнительно смотрели 3-минутный видеоролик о депортации народов Кавказа в СССР. Респондентам случайным образом предъявлялась одна из двух версий опросника. Так как никаких значимых различий ни по одной из психологических переменных между двумя группами обнаружено не было, в дальнейшей работе были объединены и анализировались совместно.

Содержание опросника для двух подгрупп не различалось ничем, кроме наличия или отсутствия видео. В обоих случаях респондентам сначала предлагалось ответить на вопросы для измерения коллективных эмоций, шкалы которых предъявлялись в случайном порядке. Далее в случайном порядке предлагались вопросы для измерения установок по отношению к народам Кавказа, мигрантам и мультикультурализму. Затем задавался вопрос о национальной принадлежности и вопросы, измеряющие групповую идентичность. Последний блок вопросов был посвящен социально-демографическим характеристикам респондента (пол, возраст, уровень образования).

Методики

Коллективные эмоции (вина, моральный стыд, имиджевый стыд) измерялись шкалами, адаптированными из исследования Й. Рееса с коллегами [16]. Шкала вины содержит 3 вопроса, например «Я чувствую вину за тяжелые жизненные условия переселенных народов Кавказа в нашей стране». Шкала морального стыда содержит 4 вопроса, например «Мне стыдно, так как действия русских по отношению к народам Кавказа были морально неприемлемыми». Шкала имиджевого стыда содержит 5 вопросов, на-

пример «Я испытываю стыд при мысли о том, как выглядит прошлое России из-за нашего отношения к народам Кавказа».

Отношение к народам Кавказа измерялось опросником, разработанным авторами для этого исследования. В опросник вошло 7 утверждений (4 прямых и 3 обратных). Для формулировки вопросов шкалы использовались распространенные позитивные и негативные стереотипы о народах Кавказа (например, «Кавказцы ведут себя слишком агрессивно», «Кавказцы — гостеприимные и радушные люди»).

Отношение к мигрантам измерялось с помощью опросника, заимствованного из Международного социального опроса (ISSP). Шкала содержит 8 утверждений (например, «Мигранты отбирают рабочие места у местного населения»).

Шкала мультикультурализма представляет собой адаптированную версию шкалы Multiculturalism Attitude Scale (MAS) [5]. Из 28 пунктов оригинальной шкалы были выбраны 5 максимально абстрактных утверждений (например, «То, что в России живут разные народы со своим особым культурным наследием, — это хорошо для страны»), которые не касались конкретно вопросов миграции, так как нам необходимо было развести два близких конструкта — отношение к мигрантам и отношение к мультикультурализму.

Для измерения групповой идентичности использовалась шкала, разработанная М. Феркайтеном [18], которая содержит 4 вопроса, измеряющих разные аспекты групповой идентичности. Пример вопроса: «То, что я русский, является важной частью моего представления о себе как о человеке».

Все переменные измерялись по 6-балльной шкале, где 1 — «Абсолютно не согласен», 6 — «Абсолютно согласен». Так как многие шкалы использовались на русскоязычной выборке впервые и в опросник входила авторская методика, то все шкалы были проверены на согласованность и надежность с помощью конфирматорного факторного анализа, прежде чем были рассчитаны индексы по измеряемым конструктам.

Выборка. Так как при планировании исследования была выбрана групповая идентичность «русские», к участию в исследовании приглашались респонденты, которые самоидентифицируют себя как русские. Из 277 человек, прошедших по ссылке на опросник, 110 согласились принять участие в исследовании. Из них 12 указали «другое» (нерусский/нерусская) при ответе на вопрос о своей национальности и были исключены из анализа. Из оставшихся респондентов 9 человек не ответили ни на один вопрос и также были исключены из анализа.

Таким образом, финальная выборка исследования составила 89 респондентов, из которых 53,9% — женщины. Возраст респондентов варьируется от 22 до 76 лет с медианой 35 лет. Уровень образования респондентов по 11-балльной шкале (1 — основное общее образование, 11 — доктор наук) варьируется от 1 до 11 со средним значением 7,9 ($\sigma = 1,7$).

Результаты

Тестирование шкал

Для оценки надежности использованного инструментария был проведен конфирматорный факторный анализ всех шкал. Так как размер выборки не позволяет одновременное тестирование шкал, то все шкалы, кроме эмоций, были протестированы отдельно. Ниже описаны полученные результаты.

Три шкалы коллективных эмоций тестировались совместно как три коррелирующих латентных конструкта. Показатели модели удовлетворительны (CFI = 0,924; SRMR = 0,043), таким образом, шкалы объединяются в три конструкта, как предполагалось в теории, и каждое из утверждений измеряет именно тот конструкт, на измерение которого оно было направлено. При этом сами конструкты коррелируют между собой (вина коррелирует с моральным стыдом — 0,88, с имиджевым стыдом — 0,79, а корреляция между моральным и имиджевым стыдом — 0,87; значимость все x корреляций $p < 0,001$). Все пункты шкал значимо связаны с соответствующими латентными конструктами ($p < 0,001$), и регрессионные коэффициенты превышают значение 0,70, что говорит о высокой согласованности шкалы.

Далее приведены результаты тестирования авторской шкалы по отношению к народам Кавказа. С помощью конфирматорного факторного анализа можно выявить те пункты шкалы, которые недостаточно хорошо измеряют латентный конструкт. Показатели первичной модели были неудовлетворительными (CFI = 0,793; SRMR = 0,133). Для улучшения шкалы был удален самый слабый пункт: «Мне нравится уважительное отношение кавказцев к старшим». Показатели модели улучшились, однако по-прежнему не соответствовали принятым критериям. Затем был удален второй по слабости связи пункт: «Это хорошо, что в трудных ситуациях кавказцы приходят друг другу на помощь». После чего показатели модели стали удовлетворительными (CFI = 0,985; SRMR = 0,056). В финальной версии шкалы все пункты значимо связаны с конструктом, направленность пунктов соответствует теоретически заданной и регрессионные веса достаточно высоки (нет весов ниже 0,39), чтобы говорить о достаточной согласованности шкалы.

Далее тестировалась шкала отношения к мигрантам. Первоначальные показатели в этом случае также не были удовлетворительными (CFI = 0,825; SRMR = 0,083). После удаления наиболее слабо связанного с конструктом пункта — «Русская культура разрушается из-за мигрантов» — показатели модели улучшились (CFI = 0,908; SRMR = 0,068). Все пункты в финальной версии шкалы значимо связаны с латентным конструктом и имеют теоретически заданную направленность связей. Все регрессионные веса выше 0,40, что свидетельствует о согласованности шкалы.

Используемая шкала мультикультурализма показала хорошие результаты в своем первоначальном виде (CFI = 0,914; SRMR = 0,056). Все пункты шкалы

связаны с латентным конструктом значимо и в ожидаемых направлениях.

Показатели по шкале групповой идентичности соответствовали заданным критериям ($CFI = 0,943$; $SRMR = 0,045$), поэтому никаких модификаций не производилось. Все связи пунктов с латентным конструктом значимы, и высокие коэффициенты регрессии (все $\beta > 0,60$) говорят о высокой согласованности шкалы.

По результатам проверки и модификации всех шкал были рассчитаны индексы, которые использовались в дальнейшем анализе. Ниже, в табл. 1, приведены описательные статистики по полученным индексам.

Взаимосвязь коллективных эмоций вины и стыда с установками к аутгруппам

Дизайн исследования предполагает регрессионный анализ, так как исследования по этой теме говорят, во-первых, о причинно-следственной связи между коллективными эмоциями и установками к аутгруппам, а во-вторых, о важности взаимного контроля разных видов эмоций при оценке влияния каждой из них. Однако размер выборки, полученный в

этом исследовании, недостаточен для проведения регрессионного анализа. Анализ статистической мощности с использованием программы GPower 3.1 показал, что для множественного регрессионного анализа с четырьмя предикторами (групповая идентичность, эмоции вины, морального и имиджевого стыда) при уровне вероятности ошибки 1-го типа $\alpha = 0,5$ и статистической мощности 0,95 для обнаружения среднего эффекта ($\beta = 0,15$) необходимо 129 респондентов, тогда как размер нашей выборки – 89 респондентов. Для обнаружения среднего эффекта в корреляционном анализе ($r = 0,4$) при тех же уровнях статистической мощности и вероятности ошибки 1-го типа необходима выборка размером 71 респондент. Поэтому было принято решение ограничиться корреляционным анализом во избежание некорректных результатов. В табл. 2 представлены ранговые корреляции между переменными.

Полученные результаты показывают, что групповая идентичность отрицательно связана со всеми тремя формами коллективных эмоций. При этом групповая идентичность не коррелирует ни с одной из установок к аутгруппам.

Таблица 1

Описательные статистики

Группы переменных	Переменные	М	σ
Коллективные эмоции	Вина	2,75	1,62
	Моральный стыд	2,81	1,54
	Имиджевый стыд	3,00	1,45
Установки к аутгруппам	Отношение к народам Кавказа	3,82	0,88
	Отношение к мигрантам	3,84	0,76
	Мультикультурализм	4,66	0,76
Идентичность	Выраженность групповой идентичности	3,91	1,32

Примечание: М – среднее значение, σ – стандартное отклонение.

Таблица 2

Взаимосвязи групповой идентичности, коллективных эмоций вины, морального стыда и имиджевого стыда с установками к народам Кавказа, к мигрантам и к мультикультурализму

Переменные	2	3	4	5	6	7
(1) Групповая идентичность	-0,344**	-0,440***	-0,462***	-0,096	-0,124	-0,017
(2) Вина	1	0,852***	0,730***	0,396***	0,330***	0,091
(3) Моральный стыд		1	0,783***	0,304**	0,322**	0,095
(4) Имиджевый стыд			1	0,204	0,326**	0,098
(5) Отношение к народам Кавказа				1	0,640***	0,649***
(6) Отношение к мигрантам					1	0,682***
(7) Мультикультурализм						1

Примечание: 2 – вина; 3 – моральный стыд; 4 – имиджевый стыд; 5 – отношение к народам Кавказа; 6 – отношение к мигрантам; 7 – мультикультурализм; ** – различия достоверны на уровне $<0,01$; *** – различия достоверны на уровне $<0,001$.

Что касается связи коллективных эмоций и отношения к аутгруппам, обнаружено, что все три вида коллективных эмоций положительно связаны с отношением к мигрантам (нерелевантная аутгруппа), моральный стыд и вина положительно связаны с отношением к народам Кавказа (релевантная аутгруппа), но при этом ни одна из трех эмоций не связана с установкой на мультикультурализм. Эти результаты говорят о том, что связь коллективных эмоций вины и стыда действительно распространяется на установки к нерелевантной аутгруппе, но не на более абстрактные установки.

Чтобы проверить, модулирует ли групповая идентичность связь между эмоциями и установками, мы разбили выборку на три подгруппы — с низкой, средней и высокой выраженностью групповой идентичности. Критерий для разбивки групп — среднее значение и стандартное отклонение по шкале групповой идентичности. Респонденты, чьи значения оказались ниже или выше среднего значения (3,91) +/- стандартное отклонение (1,31), были отнесены к группам с низкой/высокой выраженностью групповой идентичности (далее — ГИ). Все остальные были отнесены к группе со средней выраженностью. Так как размеры выборки при таком делении не эквивалентны (в группе с низкой выраженностью ГИ 18 человек, со средней выраженностью — 55, с высокой выраженностью — 16), а коэффициенты корреляции зависят от размера выборки, то из группы со средней выраженностью ГИ были случайно отобраны 17 респондентов. Далее был проведен корреляционный анализ в этих группах. На рис. 1, 2 и 3 показаны полученные корреляционные различия.

Нами выявлено, что при высокой выраженности групповой идентичности связь между коллективными эмоциями и установками к аутгруппам пропадают, тогда как в группах с низкой и средней выраженностью групповой идентичности они остаются значимыми.

В случае с отношением к релевантной аутгруппе (народы Кавказа) с усилением ГИ связь между коллективными эмоциями и установкой слабеет. Связь с моральным стыдом имеет слабо выраженную нелинейную форму модерации.

В случае с отношением к нерелевантной аутгруппе (мигранты) нелинейная форма различий (слабая связь при низкой и высокой выраженности ГИ и сильная связь при средней) наблюдается в случае с виной и моральным стыдом, но в случае с имиджевым стыдом различия имеют линейную форму: чем сильнее ГИ, тем слабее связь между эмоцией и установкой (см. рис. 2).

Наконец, на рис. 3 представлены различия в корреляциях между эмоциями и отношением к мультикультурализму. В случае с этой абстрактной установкой все эмоции работают одинаково: чем сильнее выражена ГИ, тем слабее связь между эмоциями и отношением к мультикультурализму, а на группе с высокой выраженностью ГИ эта корреляция становится отрицательной, оставаясь статистически незначимой.

В следующем разделе мы обсудим полученные результаты.

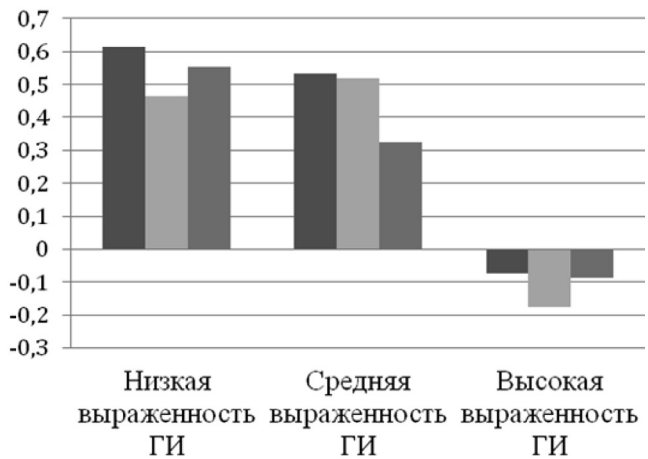

Рис. 1. Коэффициенты корреляции между коллективными эмоциями и отношением к народам Кавказа в группах с низкой, средней и высокой выраженностью групповой идентичности; ■ вина; ■ моральный стыд; ■ имиджевый стыд

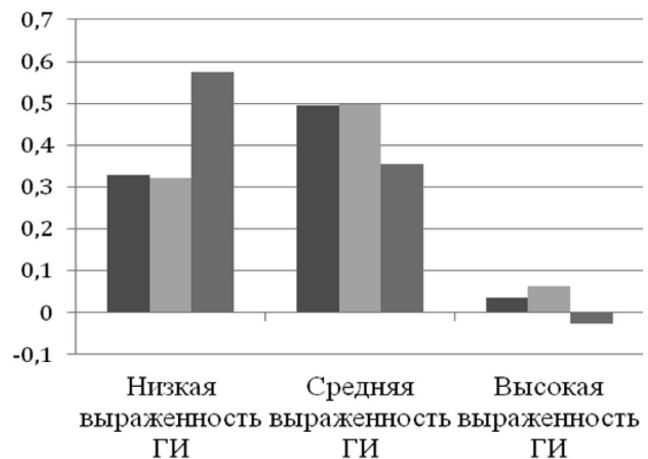

Рис. 2. Коэффициенты корреляции между коллективными эмоциями и отношением к мигрантам в группах с низкой, средней и высокой выраженностью групповой идентичности; ■ вина; ■ моральный стыд; ■ имиджевый стыд

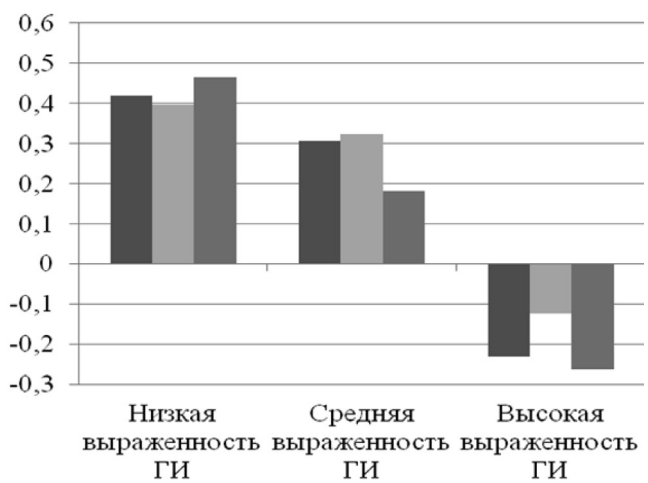

Рис. 3. Коэффициенты корреляции между коллективными эмоциями и отношением к мультикультурализму в группах с низкой, средней и высокой выраженностью групповой идентичности; ■ вина; ■ моральный стыд; ■ имиджевый стыд

Обсуждение результатов

В данном исследовании мы ставили перед собой цель выявить связи коллективных эмоций вины и стыда с отношением к представителям аутгрупп у русских с различной степенью выраженности групповой идентичности. На основании претеста был выбран случай депортации народов Кавказа во время Великой Отечественной войны. Были сформулированы два исследовательских вопроса: о роли коллективных эмоций в установках к аутгруппам и о модулирующей роли групповой идентичности в связи между коллективными эмоциями и установками.

Результаты анализа показали, что чувство вины положительно связано с отношением к народам Кавказа и к мигрантам, но не связано с отношением к мультикультурализму. Моральный стыд также положительно связан с отношением к релевантной и нерелевантной аутгруппам и не связан с мультикультурализмом. Имиджевый стыд не связан с отношением к народам Кавказа и к мультикультурализму, но положительно связан с отношением к мигрантам.

Данные результаты частично согласуются с предыдущими исследованиями о связи коллективных эмоций вины и стыда с установками к аутгруппам. Так, чувство вины положительно связано с отношением к релевантной аутгруппе, что повторяет результаты других исследований [15]. Однако в нашем исследовании в отличие от исследования Й. Рееса с коллегами [16] чувство вины также положительно связано с отношением к нерелевантной аутгруппе (мигранты). Возможно, это связано с использованием разных методов анализа данных: в нашем исследовании при проверке связи каждой из эмоций две другие эмоции не контролировались. Если сравнить полученные результаты с результатами, представленными не в регрессионном, а в корреляционном анализе в исследованиях Й. Рееса [16], то они идентичны.

Положительные связи, полученные между моральным стыдом и установками как к релевантной, так и к нерелевантной аутгруппе, полностью согласуются с результатами прошлых исследований в других контекстах. Подобные связи были обнаружены во всех исследованиях, в которых моральный стыд использовался как самостоятельный конструкт [3; 4; 16].

Что касается имиджевого стыда, то результаты оказались отчасти неожиданными: так, имиджевый стыд, как и ожидалось, не связан с отношением к релевантной аутгруппе, однако положительно связан с отношением к нерелевантной. Отсутствие связи между имиджевым стыдом и положительными установками к релевантной аутгруппе объясняется стратегией избегания релевантной аутгруппы как источника неприятных эмоций. В некоторых исследованиях получены результаты, которые согласуются с такой интерпретацией связи имиджевого стыда и отношения к релевантной аутгруппе [1; 4].

Неожиданной оказалась положительная корреляция между имиджевым стыдом и отношением к нерелевантной аутгруппе (мигранты). С учетом статистического фактора корреляция между имидже-

вым стыдом и отношением к мигрантам может быть результатом высокой корреляции между имиджевым и моральным стыдом, так как отсутствовал контроль других эмоций при проверке связи. Также возможно, что в культурных контекстах положительное отношение к аутгруппе, не связанной с источником негативных эмоций, может быть своеобразным механизмом восстановления позитивности групповой идентичности при сохранении стратегии избегания с аутгруппой, связанной с источником негативных эмоций. В последующих исследованиях эти предположения могут быть проверены.

Возможно, отсутствие связи коллективных эмоций с отношением к мультикультурализму означает, что эмоции связаны только с теми установками, которые имеют какое-то отношение к источнику этих эмоций. Мультикультурализм — установка более абстрактная и представляет собой некую общую идеологию, отличную от отношения к конкретным «другим» (народам Кавказа или мигрантам). Результаты показывают, что коллективные эмоции не связаны с такого рода общими установками. Но при этом респонденты относятся к мультикультурализму более положительно, чем к мигрантам или к народам Кавказа. Вероятно, людям легче принимать абстрактных «других», чем конкретных.

Отвечая на второй исследовательский вопрос о роли ГИ в связи между эмоциями и установками, мы обнаружили, что паттерны взаимосвязей эмоций и установок в группах с низкой, средней и высокой выраженностью ГИ имеют скорее линейную логику. Положительные связи наиболее выражены в группе с низким уровнем идентичности, чуть слабее, но по-прежнему значимы в группе со средним уровнем выраженности идентичности и, наконец, полностью отсутствуют в группе с высоким уровнем ГИ. Этот результат согласуется с исследованием Л. Шепарда с коллегами [17], где показано, что люди с сильной идентичностью чувствуют большую угрозу со стороны негативных коллективных эмоций, связанных с прошлым ингруппы, что препятствует позитивному отношению к аутгруппам, ассоциирующимся с этими эмоциями.

Полученные результаты также согласуются с исследованием Б. Доже с коллегами [8]. Исследователи обнаружили, что люди с низкой выраженностью ГИ чувствуют коллективную вину сильнее, чем люди с высокой выраженностью ГИ, в том случае, если информация, предоставляемая об истории группы, имеет амбивалентный характер. В нашем исследовании мы наблюдаем негативную корреляцию между выраженностью ГИ и всеми тремя видами коллективных эмоций. Помимо этого авторы также показали, что выраженность групповой идентичности модулирует связь между виной и желанием компенсировать аутгруппе, но только в том случае, если предоставляемая информация амбивалентна. Учитывая полученную нами обратную связь, можно однозначно сказать, что выбранное историческое событие было амбивалентным и у многих людей вызывало противоречивые эмоции. Таким образом, мы полагаем, что получен-

ные результаты согласуются с результатами, полученными на других выборках в других культурных контекстах.

Ограничения исследования

В ходе проведения данного исследования нами были получены критические замечания относительно выбора темы исследования, выбора исторического события, а также выбора «русских» как интруппы. В последующей статье по результатам данного исследования мы проводим подробный анализ публичных комментариев к исследованию, а также приводим данные восьми глубинных интервью, проведенных по следам опроса, целью которых было понять, какого рода события в истории нашей страны вызывают у людей коллективные эмоции вины и стыда и насколько в принципе адекватно изучение данных конструктов в российском контексте.

Здесь важно отметить, что по результатам анализа глубинных интервью было выявлено, что история России отождествляется с историей СССР (есть историческая континуальность) и депортация народов Кавказа является событием, которое вызывает определенные коллективные эмоции, однако вопрос о том, чувствуют ли сами респонденты ответственность за эти события, вызывает однозначную реакцию

отчуждения. Ответственность за негативные события в истории СССР и России респонденты склонны приписывать властям страны, но не русским, россиянам или «советскому народу». Однозначно выбор «русских» в качестве группы идентификации был неверен и более нейтральная формулировка (например, «граждане нашей страны») сделала бы шкалы измерения коллективных эмоций более адекватными для российского контекста.

Другим существенным ограничением исследования является его корреляционный дизайн, который не позволяет делать выводы о причинно-следственных связях, а также маленькая выборка, которая не позволяет достаточно надежно протестировать гипотезы. С учетом большого количества конструктов, которые были включены в корреляционный анализ, и их неортогональности вероятность обнаружения ложных корреляций довольно высока.

При описанных выше ограничениях гипотезы, выдвинутые в данном исследовании, однозначно подлежат дальнейшей проверке на больших выборках и — при возможности — с использованием экспериментального дизайна. Мы надеемся, что эта работа привлечет интерес российских исследователей к тематике коллективных эмоций и их связей с идентичностью и отношением к аутгруппам.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-36-01336 «Оценка исторического прошлого своей страны как предиктор установок по отношению к представителям аутгрупп»).

Благодарности

Авторы статьи выражают благодарность Ирине Мальцевой за помощь при подготовке исследования и сборе данных, а также Сегеру Брейгельмансу за помощь при разработке дизайна исследования.

Funding

This work was supported by grant RFH № 14-36-01336.

Acknowledgements

The authors are grateful to Irina Maltseva for her assistance with data collection and Seger Breugelmanns for his helpful feedback on the study design.

Литература

1. Ефремова М.В., Григорян Л.К. Коллективные эмоции вины и стыда: обзор современных исследований // Современная зарубежная психология. 2014. Т. 3, № 4. С. 71–88.
2. Allport G.W. The Nature of Prejudice. Cambridge, MA: Perseus Books, 1954. 537 p.
3. Allpress J., Barlow F., Brown R., Louis W. Atoning for colonial injustices: Group-based shame and guilt motivate support for reparation // International Journal of Conflict and Violence. 2010. Vol. 4 (1). P. 75–88
4. Allpress J.A., Brown R., Giner-Sorolla R., Deonna J.A., Teroni F. Two Faces of Group-Based Shame: Moral Shame and Image Shame Differentially Predict Positive and Negative Orientations to Ingroup Wrongdoing // Personality and Social Psychology Bulletin. 2014. Vol. 40(10). P. 1270–1284
5. Breugelmanns S.M., Van de Vijver F.J.R. Antecedents and components of majority attitudes toward multiculturalism

References

1. Efremova M.V., Grigoryan L.K. Kollektivnye emotsii viny i styda: obzor sovremennykh issledovaniy [The Collective Emotions of Guilt and Shame: a Review of Current Research]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Journal of Modern Foreign Psychology]*, 2014. Vol. 3, no. 4, pp. 71–88. (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Allport G.W. The Nature of Prejudice. Cambridge, MA: Perseus Books, 1954. 537 p.
3. Allpress J., Barlow F., Brown R., Louis W. Atoning for colonial injustices: Group-based shame and guilt motivate support for reparation. *International Journal of Conflict and Violence*, 2010. Vol. 4 (1), pp. 75–88.
4. Allpress J.A., Brown R., Giner-Sorolla R., Deonna J.A., Teroni F. Two Faces of Group-Based Shame: Moral Shame and Image Shame Differentially Predict Positive and Negative Orientations to Ingroup Wrongdoing. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2014. Vol. 40 (10), pp. 1270–1284. doi: <http://dx.doi.org/10.1177/0146167214540724>

- in the Netherlands // *Applied Psychology: An International Review*. 2004. Vol. 53 (3). P. 400–422.
6. Brown R., Cehajic S. Dealing with the past and facing the future: Mediators of the effects of collective guilt and shame in Bosnia and Herzegovina // *European Journal of Social Psychology*. 2008. Vol. 38 (4). P. 669–684.
7. Collective guilt: International perspectives / Ed. by N.R. Branscombe, B. Doosje. New York, NY: Cambridge University Press, 2004. 356 p.
8. Doosje B., Branscombe N., Spears R., Manstead A. Guilt by Association: When One's Group has a negative history // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. Vol. 75(4). P. 872–886.
9. Ferguson T. Mapping shame and its functions in relationships // *Child Maltreatment*. 2005. Vol. 10(4). P. 377–386.
10. Iyer A., Schmader T., Lickel B. Why individuals protest the perceived transgressions of their country: The role of anger, shame and guilt // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. Vol. 33 (4). P. 572–587
11. Lewis M. Self-conscious emotions: Embarrassment, pride, shame, and guilt // *Handbook of emotions* / Ed. by M. Lewis, J.M. Haviland. New York: Guilford Press, 1993. P. 563–573.
12. Lickel B., Schmader T., Curtis M., Scarnier M., Ames D. Vicarious shame and guilt // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2005. Vol. 8(2). P. 145–157
13. Lickel B., Steele R., Schmader T. Group-based shame and guilt: Emerging directions in research // *Social and Personality Psychology Compass*. 2011. Vol. 5 (3). P. 153–163.
14. Niedenthal P., Tangney J., Gavanski I. "If only I weren't" versus "If only I hadn't": Distinguishing shame and guilt in counterfactual thinking // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. Vol. 67(4). P. 585–595.
15. Pedersen A., Beven J., Griffiths B., Walker I. Attitudes toward Indigenous Australians: The role of empathy and guilt. *Journal of Community and Applied Social Psychology*. 2004. Vol. 14(4). P. 233–249.
16. Rees J.H., Allpress J.A., Brown R. Nie wieder: Group-based emotions for ingroup wrongdoing affect attitudes toward unrelated minorities. *Political Psychology*, 2013. Vol. 34(3). P. 387–407.
17. Shepherd L., Spears R., Manstead A. 'This will bring the shame on our nation': The role of anticipated group-based emotions on collective action // *Journal of Experimental and Social Psychology*. 2013. Vol. 49(1). P. 42–57.
18. Verkuyten M. Ethnic Group Identification and Group Evaluation Among Minority and Majority Groups: Testing the Multiculturalism Hypothesis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. Vol. 88(1). P. 121–138.
5. Breugelmans S.M., Van de Vijver F.J.R. Antecedents and components of majority attitudes toward multiculturalism in the Netherlands. *Applied Psychology: An International Review*, 2004. Vol. 53 (3), pp. 400–422. doi: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1464-0597.2004.00177.x>
6. Brown R., Cehajic S. Dealing with the past and facing the future: Mediators of the effects of collective guilt and shame in Bosnia and Herzegovina. *European Journal of Social Psychology*, 2008. Vol. 36 (4), pp. 669–684. doi: <http://dx.doi.org/10.1002/ejsp.466>
7. Branscombe N.R., Doosje B. (eds.) Collective guilt: International perspectives. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 356 p. <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9781139106931>
8. Doosje B., Branscombe N., Spears R., Manstead A. Guilt by Association: When One's Group has a negative history. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1998. Vol. 75 (4), pp. 872–886. doi: <http://dx.doi.org/10.1037/0022-3514.75.4.872>
9. Ferguson T. Mapping shame and its functions in relationships. *Child Maltreatment*, 2005. Vol. 10 (4), pp. 377–386. doi: <http://dx.doi.org/10.1177/1077559505281430>
10. Iyer A., Schmader T., Lickel B. Why individuals protest the perceived transgressions of their country: The role of anger, shame and guilt. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2007. Vol. 33 (4), pp. 572–587. doi: <http://dx.doi.org/10.1177/0146167206297402>
11. Lewis M. Self-conscious emotions: Embarrassment, pride, shame, and guilt. In Lewis M., Haviland J.M. (eds.), *Handbook of emotions*. New York: Guilford Press, 1993, pp. 563–573.
12. Lickel B., Schmader T., Curtis M., Scarnier M., Ames D. Vicarious shame and guilt. *Group Processes and Intergroup Relations*, 2005. Vol. 8 (2), pp. 145–157. doi: <http://dx.doi.org/10.1177/1368430205051064>
13. Lickel B., Steele R., Schmader T. Group-based shame and guilt: Emerging directions in research. *Social and Personality Psychology Compass*, 2011. Vol. 5 (3), pp. 153–163. doi: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1751-9004.2010.00340.x>
14. Niedenthal P., Tangney J., Gavanski I. Distinguishing shame and guilt in counterfactual thinking. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1994. Vol. 67 (4), pp. 585–595. doi: <http://dx.doi.org/10.1037/0022-3514.67.4.585>
15. Pedersen A., Beven J., Griffiths B., Walker I. Attitudes toward Indigenous Australians: The role of empathy and guilt. *Journal of Community and Applied Social Psychology*, 2004. Vol. 14 (4), pp. 233 – 249. doi: <http://dx.doi.org/10.1002/casp.771>
16. Rees J.H., Allpress J.A., Brown R. Nie wieder: Group-based emotions for ingroup wrongdoing affect attitudes toward unrelated minorities. *Political Psychology*, 2013. Vol. 34 (3), pp. 387–407. doi: <http://dx.doi.org/10.1111/pops.12003>
17. Shepherd L., Spears R., Manstead A. This will bring the shame on our nation: The role of anticipated group-based emotions on collective action. *Journal of Experimental and Social Psychology*, 2013. Vol. 49 (1), pp. 42–57. doi: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jesp.2012.07.011>
18. Verkuyten M. Ethnic Group Identification and Group Evaluation Among Minority and Majority Groups: Testing the Multiculturalism Hypothesis. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2005. Vol. 88 (1), pp. 121–138. doi: <http://dx.doi.org/10.1037/0022-3514.88.1.121>